

УДК 316.42

DOI: 10.17223/2312461X/15/2

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРИМЕР ГЕНРИ ФОН ГЕЙЗЕЛЕРА

Мартин Тамке

Аннотация. Статья затрагивает вопрос о возможности существования двойной идентичности на стыке разных цивилизаций и, в частности, западно-восточной идентичности, выходящей за рамки двойного гражданства, или билингвальности – идентичности, основанной на подлинной интеграции двух разных ментальностей и духовных традиций. На примере личности русско-немецкого поэта Генри фон Гейзелера автор показывает, что Восток и Запад не исключают друг друга, а могут гармонично ужиться в одном человеке и формировать единую культурную идентичность. На основе анализа личной переписки Г. фон Гейзелера с друзьями и близкими и воспоминаний автор прослеживает трансформацию идентичности поэта от русско-немецкой к немецкой и обратно к русско-немецкой и анализирует переживания поэта, связанные с необходимостью сложного выбора между русской и немецкой идентичностью, перед которым его ставили жизненные обстоятельства: Первая мировая война и Октябрьская революция. Особое внимание уделено проблеме духовного поиска людей, странствующих между мирами, и примиряющему потенциалу религии.

Ключевые слова: Гейзелер, Запад, Восток, идентичность, религия, русские немцы

Введение

Существует ли западно-восточная идентичность? Тот, кто интересуется вопросами двойной идентичности между Востоком и Западом, в случае России наверняка подумает о ее проявлениях в форме евразийства, которое осознанно определяет свою идентичность как одновременную принадлежность к Азии и Европе. Также можно вспомнить о Турции, религиозный габитус которой и сегодня в значительной степени находится во власти Востока, хотя ее культурная идентичность обнаруживает сильно европеизированные черты.

Однако вопрос о западно-восточной идентичности всегда возникал и в том случае, когда люди не были уверены в своей принадлежности к той или иной общности. Причины таких затруднений во многом были связаны с биографией этих людей. Одним из известнейших примеров в Германии считается Александр Шморель, сын врача из числа русских немцев. После Октябрьской революции его отец переселился в

Мюнхен, а за воспитание сына Александра отвечала русская служанка, которая переехала вслед за семьей в Германию и служила в семье Шморелей до самой своей смерти (Chramow 2013, 2005; Fernbach 2013; Moll 2011; Selg 2013). В студенческие годы Александр Шморель вместе с братом и сестрой Шолль принимал активное участие в «Белой розе», небольшой студенческой группе сопротивления Гитлеру. Будучи солдатом на восточном фронте Шморель со своими друзьями Шоллями и Вилли Графом перешел на сторону русских. Общаясь с солдатами вражеской армии, он пытался показать своим друзьям, что враг имеет человеческий облик. Важно отметить, что Шморель воспитывался в православной традиции, с которой его познакомила русская няня, о чем свидетельствуют его последние письма семье перед казнью. Сегодня Русская православная церковь стремится причислить его к лику святых как мученика нацистского режима в Германии.

Шморель покинул Россию еще ребенком, в то время как многие другие переезжали из России в Германию будучи взрослыми людьми, оставляя работу. В первую очередь это были миллионы россиян, которые образовывали в Берлине, Праге и Париже центры русской эмиграции с собственными газетами, издательствами, институтами и учебными заведениями. К одному из таких берлинских центров принадлежала, например, семья Набоковых. Уезжали тогда из России в Германию тысячи российских немцев. И каждый раз перед этими людьми вставал вопрос: означает ли вынужденная политическая эмиграция в Германию также отказ от русской культуры; в какой степени они чувствуют свою привязанность к немецкой культуре или даже к обеим культурам?

На примере поэта и аристократа Генри фон Гейзелера можно проследить, как Восток и Запад могли быть частью одной души и какой потенциал для примирения народов заключали в себе эти люди.

Путешествующий между мирами

Генри фон Гейзелер родился 23 декабря 1875 г. в Санкт-Петербурге и был старшим из пятерых детей знатной семьи российских немцев¹. Как и большинство российских немцев, он вырос в лютеранской традиции, что подтверждается его конфирмацией в петербургской Церкви Святой Екатерины (Fleiss 1970: 10)². Сначала он обучался на дому, затем учился в частной гимназии; в 1894 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Его обучение оборвалось в связи с призывом в армию в 1896 г. Получив через год звание русского офицера, Гейзелер лишь на короткое время продолжил обучение в Санкт-Петербурге. В 1898 г. он в качестве личного секретаря Карла Тимеса, основателя Мюнхенского общества перестрахования, переехал в Мюнхен и женился на его дочери Эми. Цере-

мония бракосочетания состоялась 23 июля 1899 г. в замке Вайсенштайн под Линцем, проводил ее прусский придворный священник Адольф Штёкер. В апреле 1905 г. Генри фон Гейзелер приобрел сельский дом под Бранненбургом на реке Инн³. Таким образом, Германия стала для него такой же родиной, как и Россия.

Зимой 1901/1902 гг. он впервые встретил Стефана Георге, который сразу же оказал на него большое влияние. Георге был ведущим поэтом так называемой «народной литературы». Тогда же Гейзелер вошел в круг немецких литераторов, художников и мыслителей. При этом он навсегда остался странником между Россией и Германией. Посвятив себя в дальнейшем театру, он считал, что немецкий театр сильно уступает русскому. По его мнению, концертная жизнь Петербурга «очень развита», и у нее «абсолютно нет той коммерческой атмосферы, что в Берлине» (von Heiselers 1969: 66). При этом он продолжал добросовестно относиться к своим обязанностям офицера запаса.

Гейзелер часто и подолгу, порой месяцами, гостил у родителей в России. В очередной раз он задержался здесь в апреле 1914 г. в связи со смертью отца, и начало Первой мировой войны застало его врасплох и сделало невозможным возвращение в Германию. Отец никогда не понимал, почему Генри жил «по сути, за границей» и не одобрял двойную лояльность сына к двум культурам (Ibid.: 54). Для самого же Гейзелера его российское гражданство было больше, чем просто формальность.

От российско-немецкой к немецкой идентичности

Когда в начале войны 1914 г. Гейзелер был призван на военную службу (на стороне Российской империи), он должен был отправиться на Западный фронт и воевать против немцев. Однако во время перехода батальон был задержан для охраны железнодорожной линии Хельсингфорс–Лахти (Финляндия). Гейзелер командовал охраной вокзала Хельсингфорс, пока не был переведен в Выборгскую крепость, где обучал рекрутов; в марте 1915 г. он дослужился до коменданта. Его брат погиб, сам же он был переброшен на Северный фронт, но в итоге по состоянию здоровья был переведен в Вологду. Ему предстояло командовать охраной железнодорожных путей сообщения по линии Санкт-Петербург–Вологда–Архангельск. После революции 1917 г. он занимал руководящие должности в Красной армии и успешно действовал в борьбе против «белых» под Воткинском и Архангельском. Лишь после роспуска российского генштаба в 1921 г. он вернулся в родительский дом.

Если в начале войны, 18 августа 1914 г., Гейзелер беспечно, за чаем с русскими боевыми товарищами завоевывал «Германию по 3–4 раза на дню» (von Heiselers 1969: 98), то постепенно он терял всякое позитивное отношение к России как к своей родине. Во «всеобщем ужасе»

войны он видел только лишь «наше собственное безумие [our own madness]⁴ в действии» (von Heiselers 1969: 117).

Февральскую революцию в России он еще всецело поддерживал. «Я по-настоящему счастлив этой большой перемене... Какое чудо произошло за одну ночь! Вдруг разом стать свободным! ... Конечно, нам предстоит много работы, больше, чем раньше, но это ничего, ведь мы теперь знаем, что наш труд более не будет бессмысленным. Мы были первыми в этом городе, кто поддержал новое правительство, и за нами последовали все, и таким образом все прошло довольно гладко, без происшествий» (Ibid.: 125).

После Октябрьской революции он все глубже ощущал отчуждение: «Счастливы те люди, у которых получается считать великим время, в котором мы живем. Я не могу разглядеть «величия» – мне кажется, что благородный образ свободы выставили только для того, чтобы духовная чернь во всех ее проявлениях пришла и забрызгала его кровью и месяцами забрасывала грязью. И как пить дать, грязь задушит свободу, и виновата в этом отнюдь не та или иная партия, а всеобщая мелочность, подлость и ничтожность» (von Heiselers 1969: 132). Отчуждение от своей родины Гейзлер растворял в тоске по Германии и своей семье. Все его попытки получить разрешение на выезд из страны в декабре 1920 г. потерпели неудачу. «При первой же возможности я уеду в Германию, чтобы там окончательно оказаться “дома”. В душе я уже давно там», – писал Гейзлер своей супруге из Витебска (Ibid.: 145). Все более отчаянным становился его тон. 8 марта 1920 г., в день, когда его брат Бери умер на Юге России от сыпного тифа, он писал: «Это больше невыносимо» (Ibid.: 145).

Неделю спустя он назвал свою ситуацию «противоестественной и безумной» (von Heiselers 1969: 146). Еще через десять дней: «Я делаю все возможное, чтобы выдержать» (Ibid.: 146). Спустя еще несколько дней: «...чудо, что я продержался все эти годы, не став нервнобольным. Мне кажется, меня спасают только надежда и книги – если бы у меня их не было, я бы сошел с ума или покончил жизнь самоубийством» (Ibid.: 146–147)⁵. Чем бесперспективнее оказывалась его надежда получить шанс на выезд, тем большее отторжение у него вызывала Россия: «...да что я здесь забыл, в этой чужой, по сути, стране!» (Ibid.: 148) или: «...да почему же я должен чахнуть и сгинуть в чужой глуши?» (Ibid.: 151).

Теперь его русские соотечественники идентифицировали его как «иностранца» (von Heiselers 1969: 156). И, отстранившись от своей русской родины, он отныне осознавал себя как немец (Ibid.: 157). Жизнь в России казалась ему теперь «пустой, бездушной, серой и убогой» (Ibid.: 165)⁶. Когда между Германией и Советской Россией был подписан договор, предусматривавший выезд из России граждан Германии, Гейз-

лер, будучи российским гражданином, предпринимал все более отчаянные попытки уехать⁷. В итоге он решился на бегство. После того как чекисты арестовали и замучили извозчика, который на санях должен был перевезти его в Финляндию, Гейзелер бежал в одиночку на корабле. Спрятавшись под кроватью в каюте, Гейзелер благополучно пережил обыск корабля; чекисты тогда нашли в углехранилище двух других беглецов и сняли их с борта. Лишь у лоцманского катера переодетые агенты ЧК покинули корабль. 2 сентября 1923 г. Гейзелер добрался до Бранненбурга (von Heiseler 1969: 174–175). Ему оставалось прожить еще пять лет довольно замкнутой жизни до своей смерти 25 ноября 1928 г. (Ibid.: 199–201).

Частичное возвращение русской идентичности

Наряду с другими немцами, чья идентичность одновременно носила русский отпечаток, Гейзелер старался сделать Россию понятной для немцев. Бегство на свободу обернулось болезненными переживаниями о потерянном. Спутник Гейзелера Йоханнес фон Гюнтер писал: «Однако России, которую он любил, больше не было. Я думаю, что не ошибусь, если позволю себе утверждать, что ужасная гибель России стала для Генри фон Гейзелера катастрофой, которая подорвала его жизненные силы, потому как он любил Россию всеми струнами своей души; он, самый настоящий немецкий мужчина, смелый и сильный, как немногие, в глубине души хранил непреодолимую тоску по мечте и мягкости, это сокровище печально-сладостной мелодии, которое невозможно потерять» (von Guenther 1929: VIII–IX). Ассоциация мягкости с Россией и твердости с Германией может показаться чересчур стереотипной, но с ее помощью Й. фон Гюнтеру удалось уловить и выразить раздвоенность Гейзелера, его одновременную принадлежность и к России, и к Германии. Правда, эта сохранявшаяся близость к России неизбежно приводила к предвзятому восприятию личности Гейзелера в Круге Георге⁸.

Принадлежавший к этому кружку еврейский автор Карл Вольфскель хоть и признавал, что в его (Гейзелера) жилах бежит немецкая и западноевропейская кровь, считал подозрительным тот факт, что он вырос «в самой русской России». При этом старый товарищ даже не мог правильно назвать место рождения поэта. Столь же малопонятными для него были Россия и связь с ней Гейзелера. Он считал, что Гейзелер вырос «в Москве, в тени Кремля, старой степной крепости» (Wolfskehl 1929). Вряд ли можно было нагляднее продемонстрировать невежество в отношении Востока. Принадлежавший к тому же кружку Фридрих Вольтерс заходил еще дальше и обнаруживал устойчивое влияние русского духа в самом Гейзелере: «Однако чуждый русский элемент, оче-

видно, еще резонировал в Гейзелере» (Wolters 1930: 231). Когда Гейзлер вновь смог внутренне повернуться к России и призывал к тому же членов Кружка Георге, он столкнулся с непониманием, которое одновременно свидетельствовало о неспособности осознать и понять пограничный опыт Гейзелера (Poljakov, Sippl 1999: 9). И после смерти Гейзелера члены кружка высказывались по этому поводу в том же духе. Вольтерс даже возводил свое отвержение в универсальную степень: «Русские же, напротив, духовно ориентируются на Византию, а душой обращены к Азии, и представляют для нас нечто непроницаемо чужое, в котором бьется другой ритм жизни» (Wolters 1930: 231). И сам Георге в своем письме сыну Гейзелера Бернту подтверждает, что члены его кружка испытывали определенную неловкость в отношении Гейзелера: «И чтобы отдать должное значению Генри фон Гейзелера, мы бы указали на его двойственное лицо: первое было обращено к Западу, а второе к Востоку. Для Вас они оба представляют собой русское единство. Но мы не можем рассматривать их так же. Мы глубоко уважали его лицо поэта, обращенное на Запад, даже если где-то и проступала русская нотка. Но лицо, обращенное к Азии, является для нас чем-то неприемлемым и даже ужасающим» (Stefan George... 1929: 62). Таким образом, именно близость Гейзелера к России создавала дистанцию между ним и остальными членами Георгиевского кружка. Кармен Зипль, редактировавшая русские тексты Гейзелера, резюмирует, что «межкультурные встречи Гейзелера с Георгиевским кружком представляли собой парадокс осознанного отказа от диалога» или же «диалога без партнера» (Poljakov, Sippl 1999: 58).

Лютеранский теолог и догматик Пауль Шютц характеризовал жизнь Гейзелера как «русского и немца посреди “диалектики границы”, в центре бесконечного пространства российско-германского континента» (Schütz: 89–90)⁹. Современные исследователи жизни и творчества Гейзелера говорят об «очаровательном преодолении культурных границ» (Poljakov, Sippl 1999: 63).

Во всяком случае, его стихотворение о Германии, представленной в образе Доротеи, и о России – в образе Татьяны (von Heiseler 1965: 39), свидетельствует о том, что он, по крайней мере, надеялся на преодоление противоречий между ними благодаря своей одновременной принадлежности к обеим.

Татьяна, Доротея, между вами
Слепая ссора ставит полосатые столбы,
Сажает изгородь с тернистыми кустами,
Как сторож не знающей границ души.

Безумная игра судьбы перипетий
Сердца дробит, кровь с кровью разлучает,

Сбивает вас во мраке с верного пути.
Да что творите вы, хоть кто-то понимает?

Свои опоры вы валяете в пыли,
Свои же мирты бьете острой сталью.
Дома детей своих вы сами подожгли.
Но как вас вразумить, я все же знаю!

И над страной, широкой и холмистой,
Что в ожидании молодого урожая,
Летит моя любовь на крыльях серебристых,
Смеясь, барьеры преодолевая¹⁰.

Религиозность

Взгляд Гейзелера на русскую религиозность изначально носил исключительно эстетический характер. Он был в восторге от православного пения, золота церковных куполов, горящих свечей, икон. После прихода советской власти участливое наблюдение Гейзелера за русской религиозностью все больше превращалось в чувство солидарности в отношении родственных по духу: «По крайней мере, в газетах, разрешенных на данный момент в Москве [...] ни одна строчка не повествует о вещах, которые составляют непреходящее человеческое бытие: искусство, наука, Бог и церковь» (von Heiseler 1965: 239). Язык советских газет он называл холодным, жестким, механическим, чужеродным, мудрёным и не имеющим силы, а потому его нельзя было считать «русской» речью. Гейзелер считал, что новое лишило русского мещанина всего, что ему было дорого.

«Чтобы духовно не оскудеть самому», получивший образование в России Гейзелер оберегал все то, что он называл культурой, и напряженно старался «не потерять чувство того, чтобы раненая Россия не прекратила своего существования и чтобы под ее руинами вырастала новая жизнь» (von Heiseler 1965: 239). Таким образом, убегая в себя и в литературу, Гейзелер не очень отличался от других представителей русской интеллигенции.

По выражению Гейзелера, Октябрьская революция своими пустыми вещами задушила «по-настоящему важное и человеческое», уличные шлягеры заглушили мелодии Моцарта (von Heiseler 1965: 219). Но вместе с духовной жизнью, по его мнению, вера также была предана насилию. Для него Россия перестала существовать, а русская религиозность покинула страну, которая стала Советским Союзом. Россия сохранилась преимущественно в духовном багаже тех, кому не оставалось ничего другого, кроме внутренней, душевной эмиграции. Гейзелер сохра-

нял свою тесную связь с русской религиозностью и после успешного бегства из страны. Символично, что в его доме особое место занимала русская икона (von Gronicka 1944: 26).

Тесная дружба связывала Гейзелера с Рейнголдом фон Вальтером, великим переводчиком его русских сочинений на немецкий. Обе семьи подолгу жили в доме Гейзелера в Фордерлейтене. Их объединял общий интерес к русской религиозной философии. Они читали и переводили Бердяева и Шестова, Иванова и, конечно, Пушкина. Важнейшим переводом фон Вальтера с точки зрения трансляции русской набожности в Германию долгое время была его редакция «Истинных сказаний русского паломника» (Poljakov, Sippl 1999: 79). Она был закончена в Фордерлейтене в доме Гейзелеров. Гейзелер принимал живое участие в переводе. Он посоветовал фон Вальтеру отправить перевод в католический журнал «Hochland» [Нагорье], намереваясь написать рецензию на книгу (von Heiseler 1969: 191–192). В год публикации книги семья фон Вальтеров гостила у фон Гейзелеров, и в сочельник книга стала рождественским подарком гостей. Сохранившийся экземпляр содержит дарственную надпись хозяйке Эми фон Гейзелер¹¹. По словам Эммануэля Юнгклаузена, публикация этой книги в 1925 г. сегодня считается началом «инкультурации» христианской молитвы на Западе (Jungclaussen 1993: 5).

Гейзелер и Вальтер вместе работали над специальным выпуском журнала «Граль», который Вальтер должен был издать в 1925 г. В этом выпуске переводы Блока и Пушкина, Чехова, Бальмонта и Сувчинского соседствовали с религиозной лирикой, например «Молитвой» Лермонтова. Сюда же были включены «Русская идея» Л.П. Карсавина и «Сущность и ведущие мотивы русской философии» С.Л. Франка. Однако особое внимание обращают на себя сочинения, затрагивающие русскую религиозность (в частности, «О сущности русской набожности» И.А. Ильина и отрывки из «Сказаний русского паломника»), а также большой раздел, посвященный русской религиозной философии, в «книжном обзоре» (Poljakov, Sippl 1999: 82). Издатель журнала, иезуит Фридрих Мукерманн, представил выпуск в таком контексте, который был по душе также фон Вальтеру и фон Гейзелеру: «В этом выпуске речь идет о творении человеческого, которое, однако, может быть полезным лишь в том случае, если понимать его одновременно и как творение Божье. Эта мысль близка известному тезису В.В. Розанова о том, что религиозное воссоединение Востока и Запада произойдет не ранее, чем над народами Востока и Запада подует новый ветер духа и любви, движимый божественным дуновением, как когда-то в период раннего христианства»¹².

Заключение

В 1929 г. в журнале Карла Мутса «Hochland» было опубликован некролог Рейнголда фон Вальтера своему другу Генри фон Гейзелеру¹³. В нем Вальтер особенно отмечал «западно-восточную» форму жизни, которая существует сама по себе (von Walter 1929: 658). При этом друзья фон Гейзелера понимали западно-восточное не как сложение двух культурных пространств, а как нечто особое. Это выразил германист Йозефа Надлера: «Нельзя сказать, что Гейзелер озападнил восточную жизнь или придал западному духу восточный оттенок. Его путь – третий, редкое сочетание этих двух, едва ли возникавшее ранее в немецком языке» (Nadler 1935/36: 1368).

Примечания

¹ Прим. авт.: Позднее Гейзелер указывает в качестве даты своего рождения «11 декабря 1875 г. по старому стилю», что косвенно свидетельствует о его сохраняющейся принадлежности к российскому культурному пространству. Здесь и далее см.: von Heiseler 1965: 191.

² Прим. авт.: Хельга Фляйс обнаружила соответствующую заметку на полях в оригинале, которая не вошла в собрание маргиналий, изданное в полном собрании сочинений, и опубликовала источник в качестве приложения № 1 к своей диссертации.

³ См. описание дома в местечке Фордерляйтен в (von Heiseler 1969: 31).

⁴ Прим. авт.: Периодически Гейзелер писал на английском, чтобы его немецкий не вызывал подозрения цензоров.

⁵ Эти мысли также почти дословно повторяются в письме Генри фон Гейзелера своей супруге Эми из Могилева от 16 июня 1921 г. См.: von Heiseler 1969: 151–153.

⁶ Сожаление о том, что его матери пришлось умирать при таких обстоятельствах – «в столь серой нищете» – см. в: von Heiseler 1969: 158.

⁷ Прим. авт.: Обратившись в немецкий «пункт помощи», он получил отрезвляющую новость о том, что его репатриация как российского гражданина (сам Гейзелер отныне считал это лишь «фатальной формальностью») была невозможной. См.: von Heiseler 1969: 164.

⁸ George-Kreis, кружок Георге, объединение интеллектуалов и поэтов, названное именем немецкого поэта Стефана Георге (Штефан Георге).

⁹ Прим. авт.: Позднее Шютц сделал немало для продвижения трагедии В.И. Иванова «Гантал», которую Гейзелер перевел на немецкий язык.

¹⁰ Художественный перевод с немецкого И.А. Кочева.

¹¹ Цит. по: Poljakov, Sippl 1999: 79.

¹² Der Gral 19, H 8 (Mai 1925), 407 (цит. по: Poljakov, Sippl 1999: 82–83).

¹³ См.: Poljakov, Sippl 1999: 86–87. Другой некролог фон Вальтера Генри фон Гейзелеру вышел в вечернем выпуске «Kölnische Zeitung» № 667 от 04.12.1931.

Литература

Chramow I. (Hrsg.). Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle. Februar-März 1943 (RGWA 1361K-1-8808). Orenburg, 2005.

Chramow I. Die russische Seele der „Weißen Rose“. Aachen, 2013.

Fernbach G. (Hrsg.). „Vergesst Gott nicht!“ – Leben und Werk des heiligen Alexander (Schmorell) von München. Wachtendonk, 2013.

- Fleiss H.* Traum und Wirklichkeit bei Henry von Heiseler, Phil. Diss. Graz, 1970.
- Jungclaussen E.* Geleitwort // Alphone und Rachel Goettmann, In deinem Namen ist mein Leben, Die Erfahrung des Jesusgebetes. Freiburg, 1993. S. 5–6.
- Moll C.* (Hrsg.). Alexander Schmorell, Christoph Probst. Gesammelte Briefe. Berlin, 2011.
- Nadler J.* Henry von Heiseler // Das Innere Reich 2, II. Band (1935/36). S. 1367–1377.
- Poljakov F.B., Sippl C.* A.S. Puskin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875–929). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur, Slavistische Beiträge 388. München, 1999.
- Schütz P.* Henry von Heiseler, Orient und Occident 4, Der russische Geist im Kampf um seine Existenz und der Protestantismus, 89–90.
- Selg P.* Alexander Schmorell. 1917–1943. Der Idealismus der „Weißen Rose“ und das geistige Russland. Stuttgart, 2013.
- Stefan George in einem* in seinem Auftrag geschriebenen Brief an Bernt von Heiseler vom 25. Oktober 1929 aus Berlin, Text bei S.
- von Gronicka A.* Henry von Heiseler, A Russo-German writer. New York, 1944.
- von Guenther J.* Erinnerungen an Begegnungen und Gespräche mit Henry von Heiseler // von Heiseler Henry. Aus dem Nachlass. Chemnitz, 1929. S. I–IX.
- von Heiseler H.* Sämtliche Werke. Heidelberg, 1965.
- von Heiseler H.* Zwischen Deutschland und Rußland, Briefe 1903–1928. Heidelberg, 1969.
- von Walter R.* Henry von Heiseler // Hochland. 1929. No. 26, band 2. S. 657–659.
- Wolfskehl K.* Erinnerungen an Henry von Heiseler, Münchener Neueste Nachrichten 70. 25.6.1929.
- Wolters F.* Stefan George und die Blätter für die Kunst. Berlin, 1930.

Перевод с немецкого Игоря Кочева

Статья поступила в редакцию 28.11.2016 г.

Tamcke Martin

WEST-EAST IDENTITY: THE CASE OF HENRY VON HEISELER

(Translated from German by I.A. Kochev)

Abstract. The article explores the question of the possibility of dual identity's existence at the junction of different civilizations and, in particular, of West-East identity which goes beyond dual citizenship or bilingualism – an identity which rests on genuine integration of the two mentalities and spiritual traditions. Through the case of Russian-German poet Henry von Heiseler, the author shows that East and West are not mutually exclusive but can harmoniously coexist in one human being and form a single cultural identity. Based on the analysis of personal correspondence of Henry von Heiseler with his friends and loved ones and of his memories, the author reveals the transformation of the poet's identity – from Russian-German to German and back to Russian-German – and analyzes the poet's emotions concerning the difficult choice between the Russian and German identities which he had to face due to life circumstances – the World War I and the October Revolution in Russia. Particular attention is paid to the issue of the spiritual quest of people wandering between the worlds and to the reconciling potential of religion.

Keywords: Heiseler, West, East, identity, religion, Russian Germans

DOI: 10.17223/2312461X/15/2

References

- Chramow Igor (Hrsg.). *Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle. Februar-März 1943 (RGWA 1361K-I-8808)*. Orenburg, 2005.

- Chramow Igor. *Die russische Seele der „Weißen Rose“*. Aachen, 2013.
- Fernbach Gregor (Hrsg.). „Vergesst Gott nicht!“ – *Leben und Werk des heiligen Alexander (Schmorell) von München*. Wachtendonk, 2013.
- Fleiss Helga. *Traum und Wirklichkeit bei Henry von Heiseler*, Phil. Diss. Graz, 1970.
- Jungclaussen Emanuel. Geleitwort, *Alphone und Rachel Goettmann, In deinem Namen ist mein Leben, Die Erfahrung des Jesusgebetes*. Freiburg, 1993, pp. 5-6.
- Moll Christiane (Hrsg.). *Alexander Schmorell, Christoph Probst. Gesammelte Briefe*. Berlin, 2011.
- Nadler Josef. Henry von Heiseler, *Das Innere Reich 2, II. Band* (1935/36), pp. 1367-1377.
- Poljakov Fedor B., Sippl Carmen. A.S. *Puskin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875-1929). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur, Slavistische Beiträge 388*. München, 1999.
- Schütz Paul. *Henry von Heiseler, Orient und Occident 4, Der russische Geist im Kampf um seine Existenz und der Protestantismus*, 89-90.
- Selg Peter. *Alexander Schmorell. 1917–1943. Der Idealismus der „Weißen Rose“ und das geistige Russland*. Stuttgart, 2013.
- Stefan George in einem in seinem Auftrag geschriebenen Brief an Bernt von Heiseler vom 25. Oktober 1929 aus Berlin*, Text bei S.
- von Gronicka Andé. *Henry von Heiseler, A Russo-German writer*. New York, 1944.
- von Guenther Johannes. *Erinnerungen an Begegnungen und Gespräche mit Henry von Heiseler, von Heiseler Henry. Aus dem Nachlass*. Chemnitz, 1929. pp. I-IX.
- von Heiseler Henry. *Sämtliche Werke*. Heidelberg, 1965.
- von Heiseler Henry. *Zwischen Deutschland und Rußland, Briefe 1903-1928*. Heidelberg, 1969.
- von Walter Reinhold. *Henry von Heiseler, Hochland 1929*, no. 26, Band 2, pp. 657-659.
- Wolfskehl Karl. *Erinnerungen an Henry von Heiseler*, *Münchener Neueste Nachrichten* 70, 25.6.1929.
- Wolters Friedrich. *Stefan George und die Blätter für die Kunst*. Berlin, 1930.